

УДК 821.161.1.09

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР РОЖДЕСТВЕНСКИХ РАССКАЗОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М.Е.САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА, А.П.ЧЕХОВА)

Рамазанова Г.Г.

ГОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», Уфа, Россия (450000, Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а), e-mail: gulram.60@mail.ru

Предметом анализа в статье стали типологические черты, особенности поэтики рождественского рассказа, широко представленного в отечественной словесности. Рассмотрены особенности хронотопа произведений, сюжетобразующие пространственные и временные оппозиции. Сама природа рождественского рассказа предполагает, что в ней возникают контрасты, противопоставления, своеобразные оппозиции, связанные со временем и пространством. Вполне понятно, что в повествовании главное значение приобретает время действия – канун Рождества, святочная неделя. Рубежное время, незримая веха, отделяющее настоящее от неведомого будущего, традиционно воспринимается как время ожидания чудес, на которое возлагаются надежды и особые упования, это период затаенных чаяний о счастливых переменах в судьбе. Другая неперемнная оппозиция, возникающая в рождественских рассказах – мир внешний – мир внутренний: мир природы – мир дома. На материале произведений классиков русской литературы М.Е. Салтыкова-Щедрина «Елка» и А.П. Чехова «Ванька», «На святках» выявлены идейные и художественные особенности рассказа, который условно можно назвать «антирождественским». Произведения, рассматриваемые в данной статье, лишь внешне сохраняют свою отнесенность к сакральному празднику, они наполнены совершенно отличным от традиционного содержанием. Предметом анализа в статье также стал подтекст повествования, столь характерный для творчества обоих писателей.

Ключевые слова: реализм, рождественский рассказ, антирождественский рассказ, творчество А.П. Чехова, «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина, хронотоп, подтекст.

LITERARY WORLD OF CHRISTMAS STORIES (BASED ON WORKS BY M.Y. SALTYKOV-SCHEDRIN, A.P. CHEKHOV)

Ramazanova G.G.

M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University, 3a Oktyabrskoi Revolutsii St., Ufa, Russia, 450000gulram.60@mail.ru

The article analyses typological features, peculiarities of poetics of the Christmas story widely represented in Russian philology. It looks at peculiarities of the works' chronotope, the subject matter of space and time oppositions. The very nature of the Christmas story suggests that it creates contrasts, contradistinctions connected with time and space. It's quite clear that the time setting, i.e. Christmas Eve, Christmas week, is of great importance in the narration. The decisive moment, the invisible landmark separating the present from the unknown future is traditionally perceived as the time of waiting for miracles, the time you have high hopes for; it's a period of unrevealed aspirations for fortunate changes in one's life. Another indispensable opposition emerging in Christmas stories is that of an outer world and inner world, the world of nature and the world of home. Using works by classics of Russian literature, such as M.Y. Saltykov-Schedrin's "Yolka" and A.P. Chekhov's "Van'ka", "Na Svyatkakh", ideological and artistic peculiarities of the story, that can be nominally called "anti-Christmas", are deduced. The works that the article looks at are only externally related to the sacred holiday; they are filled with content that differs radically from traditional one. Also the subject matter of the article is the undertone of the narration which is characteristic of both the writers.

Keywords: Realism, Christmas story, Anti-Christmas story, oeuvre of A.P.Chekhov, "Gubernski Ocherki" by M.Y. Saltykov-Schedrin, chronotope, undertone.

Жанр рождественского рассказа в русской классической литературе имеет давнюю и прочную традицию. Достаточно вспомнить произведения М.Е.Салтыкова-Щедрина «Елка», А.П. Чехова «Ванька», «На святках», В.Г.Короленко «Сон Макара», Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке», Н.Д. Телешова «Елка дедушки Митрича», Л.Н. Андреева

«Ангелочек», А.И. Куприна «Чудесный доктор», М.М.Зощенко «Елка» и многие-многие другие.

Рубежное время, незримая веха, отделяющее настоящее от неведомого будущего, традиционно воспринимается как время ожидания чудес, на которое возлагаются надежды и особые упования, это период затаенных чаяний о счастливых переменах в судьбе.

Сама природа рождественского рассказа предполагает, что в ней возникают контрасты, противопоставления, своеобразные оппозиции, связанные со временем и пространством. Рассказы в своем подавляющем большинстве строятся по определенной схеме, и очень большую роль в них играет хронотоп. Вполне понятно, что в повествовании главное значение приобретает время действия – канун Рождества, святочная неделя. Закономерно, что возникает совершенно обязательная оппозиция: настоящее – будущее время. В классическом рождественском рассказе в праздничную ночь происходят счастливые события, которые кардинальным образом меняют жизнь героев.

Но не менее важную роль в рождественском рассказе играют пространственные оппозиции, своеобразно структурирующие и организующие текст. Непременная оппозиция, возникающая в рождественских рассказах – мир внешний – мир внутренний: мир природы – мир дома. Характерно, что мир природы в рождественских рассказах, как правило, возникает в двух прямо противоположных обличьях. Зачастую описывается враждебная человеку среда, в которой царят нестерпимая стужа, пронизывающий ветер, снежный хаос. Этот мир особенно страшен, жесток по отношению к беднякам. Но есть и другое обличье природы: в некоторых рассказах описывается особенная, чарующая красота зимнего пейзажа, одухотворенная божественным началом, одушевленная ожиданием свершения рождественских чудес. Отличительная особенность рождественского повествования и в том, что в нем возникает и сакральное пространство, аккумулирующее в себе радость, неземное счастье. Непременная атрибутика этого пространства – свечи, игрушки, новогодняя елка, огни. Эта атрибутика призвана украсить профанный мир, преобразовать обыденное в волшебное, она несет в себе и сакральную символику, связанную с праздником Рождества. Нельзя не упомянуть и о вполне материальном наполнении праздничного пространства изобильной едой, описания которой занимают весьма существенное место в рождественских текстах.

Категории пространства могут воплощаться не только в реальных обличьях, не менее значимы категории пространства не материальные, а условные – это виртуальные ареалы, «миры», неизменно существующие в социуме: мир богатых и бедных. Обычно жизнь этих людей протекает параллельно, почти никогда не пересекаясь. Внутренние и внешние противоречия этих двух миров предельно обостряются в праздничные дни.

Глубоко человеческий смысл Рождества и заключается в том, что мир богатых и благополучных допускает в свой мир обездоленных, позволяет хотя бы прикоснуться к их жизни, так и совершается особое братское единение людей, пусть сиюминутное и призрачное, как сам праздник.

Абсолютно закономерно, что между этими мирами существуют не только невидимые, но и вполне осязаемые, зримые пределы, границы, поэтому в рождественских рассказах огромную роль приобретает образ окна, служащего преградой между двумя антагонистическими мирами. Не менее значимым в этих рассказах становятся образы витрин магазинов, которые ломаются от всевозможных яств и лакомств.

Все эти пространства, вписанные в «рождественский» текст, организованы по принципу контрастной зеркальности. Характерно, что в канун и во время праздника эти пространства сложно взаимодействуют, словно перетекая друг в друга. Сказочность и фантастичность становятся сутью и содержанием традиционных рождественских рассказов. Она соткана из различных явлений: самих чудес, необыкновенных событий, таинственных метаморфоз, особой атмосферы – все это важные составляющие, но не менее ирреально для обыденного сознания и то, что праздник становится торжеством доброты и милосердия, столь редко наблюдаемых в обыкновенной жизни.

Произведения, рассматриваемые в данной статье, лишь внешне сохраняющие свою отнесенность к сакральному празднику, наполнены совершенно иным содержанием, их вполне определенно можно назвать «антирождественскими» рассказами. К их числу можно отнести рассказы М.Е. Салтыкова-Щедрина из цикла «Губернские очерки» «Елка» [1857], А.П. Чехова «На святках» [1899].

Большой интерес представляет рассказ М.Е. Салтыкова-Щедрина «Елка» [2] из цикла «Губернские очерки», повествующих о провинциальной жизни вымышленного городка Крутогорска. Очевидно, что в произведении изображается вполне реальный город Вятка, где во время своей ссылки служил писатель. Почти документальный рассказ ведется от лица повествователя, за личиной которого, несомненно, скрывается сам автор.

Произведение начинается с традиционного для рождественского рассказа описания лютой зимы, здесь же появляется и первая пространственная оппозиция: «На дворе очень холодно; мороз крепко сковал и уладил дорогу и теперь что есть мочи стучится в двери и окна мирных обитателей Крутогорска» [2,233].

Здесь же представлена и следующая оппозиция: «В окнах большей части домов зажигаются огни, которые сначала как-то тускло горят, а потом мало-помалу разрастаются в великолепные иллюминации. Я иду по улице и, всматриваясь в окна, вижу целые снопы света, около которых снуют взад и вперед милые головки детей... «Ба! да ведь сегодня

сочельник!» – восклицаю я мысленно» [2,233].

Характерной и, кстати, весьма редкой особенностью повествования является то, что в него вносятся лирические отступления: автор откровенно рассуждает о происходящем, к которому он относится с очевидной иронией. Но особенно неожиданно в подобном тексте выглядит самоирония повествователя, местами переходящая в сарказм: «Иду я по улице и поневоле заглядываю в окна. Там целые выводки милых птенцов, думаю я, там любящая подруга жизни, там чадолюбивый отец, там так тепло и уютно... а я! Я один как перст в целом мире... некому ни приютить, ни приголубить меня, некому сказать мне «папасецка», некому назвать меня «брюханчиком»; в квартире моей холодно и неприветно» [2,233].

За прозрачным стеклом светится празднично украшенная елка, но чинно гуляющие вокруг нее детишки только и ждут момента, когда ее дадут им «на разграбление». Главный персонаж повествования – маленький и шустрый мальчуган с пристальным вниманием наблюдает за происходящим с улицы. Мальчик озяб, потирает заочневшие на морозе ручки. Картинка вырисовывается сентиментальная и трогательная. Сердце добропорядочного человека сжимается от жалости и сострадания. Но писатель тут же и разрушает эту идиллическую картинку, дав слово юному герою. Тот с азартом комментирует происходящее за окнами, и в его комментариях сквозят исключительно злоба и зависть. С удовольствием он констатирует, что одного из участников праздника – Оську – «задрали», это не вызывает у него никакой жалости, а лишь желание самому приложить руку к общей драке. Словно из рога изобилия сыплются из него уничижительные реплики. Но благости и доброты нет и за окнами теплого дома. Дети, наконец, допущены к санкционированному разграблению и мгновенно из кротких и чинных ангелочков превращаются в маленьких разбойников. Праздник утратил свою красоту: «В окнах действительно сделалось как будто тусклее; елка уже упала, и десятки детей взлезали друг на друга, чтобы достать себе хоть что-нибудь из тех великолепных вещей, которые так долго манили собой их встревоженные воображеньца. Оська тоже полез вслед за другими... едва завидел его хозяйский сын, как мгновенно поверг несчастного наземь данною с размаха оплеухой» [2,234]. Маленький наблюдатель в восторге от увиденного: «Я бы еще не так тебе рожу-то насалил! – произнес мой товарищ с звонким хохотом, радуясь претерпенному Оської поражению» [2,234-235].

Но все происходящее – лишь преамбула к развитию отнюдь не рождественского сюжета. Повествователь, поддавшись душевному порыву, решает пригласить мальчика в дом. В подтексте вновь сквозит весьма ироничное отношение автора к самому себе: «Имея душу чувствительную, я вдруг проникаюсь состраданием к бедному мальчику, которому, может быть, завтра разговеться нечем. ... Мысленный взор мой внезапно устремляется на бегущего рядом со мною мальчугана, и я начинаю видеть в нем достаточную жертву для своих

благотворительных затей» [2,236-237]. Отнюдь не случайное оксюморонное сочетание – «жертва благотворительных затей» – не только исключительно художественно выразительно, но и содержит изрядную долю самоиронии.

Из благотворительной затеи ничего хорошего не выходит, мальчик на предложение угоститься пряниками и другими сладостями требует дать ему вина. Довольно быстро он становится совсем пьяным и, к большому удовольствию слуги повествователя Гриши, который несколько не обескуражен наглостью и ранней испорченностью мальчугана, развязно разговаривает со своим благодетелем. Яблоки он соглашается взять только для своих сестер. Рассказ мальчугана о своей семье циничен и говорит лишь о его совсем недетском восприятии жизни.

Повествователь подавлен и разочарован: «Мне становится грустно; я думал угостить себя чем-нибудь патриархальным, и вдруг встретил такую раннюю испорченность. Мальчишка почти пьян, и Гриша начинает смотреть на него как на отличную для себя потеху... Я ложусь спать, но и во сне меня преследует мальчуган, и вместе с тем какой-то тайный голос говорит мне: «Слабоумный и праздный человек! ты праздность и вялость своего сердца принял за любовь к человеку, и с этими данными хочешь найти добро окрест себя! Пойми же наконец, что любовь милосердна и снисходительна, что она все прощает, все врачует, все очищает!» [2,238-239].

«Ванька» А.П. Чехова – пример абсолютно хрестоматийного «антирождественского» рассказа, хотя существует и диаметрально иная интерпретация произведения [1]. Все оппозиции, о которых говорилось ранее, здесь представлены со всей отчетливостью. Хронологическая: мир прошлого – мир настоящего – мир воображаемого будущего. Представлена и пространственная оппозиция. Идиллическая, почти райская картинка рождественской ночи в деревне написана лаконично и выразительно: «Воздух тих, прозрачен и свеж. Ночь темна, но видно всю деревню с ее белыми крышами и струйками дыма, идущими из труб, деревья, посеребренные инеем, сугробы. Все небо усыпано звездами, и Млечный Путь вырисовывается так ясно, как будто его перед праздником помыли и потерли снегом...» [3,502]. Это волшебное-прекрасное пространство резко контрастирует со страшной, темной и смрадной конурой, сам воздух которой пропитан насилием и страданием, в которой, стоя на коленях и глядя на окно, пишет письмо несчастный ребенок. Эффект глубокого воздействия рассказа достигается в его финале, когда становится понятно, что ничего в судьбе Ваньки не изменится, волшебный мир прошлого никогда не трансформируется в светлое будущее. Ванька, как и любой человек, одинок в своем страдании. Волшебства, на которое так уповал мальчик в рождественскую ночь, не произошло, апелляции к судьбе, Богу очевидно бессмысленны.

Невозможность разомкнуть незримые, но вполне ощутимые рамки одиночества отчетливо передает другой маленький шедевр А.П. Чехова – рассказ «На святках» [4]. Он явственно распадается на две части, в каждой из которых описывается безрадостная жизнь, разворачивающаяся в разных декорациях.

Герои первой половины рассказа – два бесприютных, несчастных старика, потерявших свою дочь: она вышла замуж, уехала в Петербург четыре года назад, с тех пор «ни слуху, ни духу». Василиса, страдающая от отсутствия хоть каких-либо сведений о дочери, решает написать письмо, но она и старик безграмотны. Однако, даже найдя человека, способного выразить ее мысли на бумаге, старуха убеждается, что выразить словами все, что у нее на душе, она не в силах. Письмо не идет дальше шаблонного приветствия, благословения и поздравлений. Старики, описанные Чеховым, представляются скульптурными изваяниями, скорбными ожившими иконами, лишенными языка, каких-то внешних эмоциональных проявлений. Писатель описывает их так: «Василиса стояла пред ним, задумавшись, с выражением заботы и скорби на лице. С нею пришел и Петр, ее старик, очень худой, высокий, с коричневой лысиной; он стоял неподвижно и прямо, как слепой» [4,407]. Мучительная невозможность выразить себя никоим образом передана многократным повторением фраз, подчеркивающих их немоту: «больше ничего она не могла сказать», «старики молчали», «ответил слабым голосом старик», «старик пошевелил губами и сказал тихо». Отчаявшись добиться от них толку, писарь пишет абсурдное казённое и безграмотное письмо, наполненное бессмысленными трескучими фразами. «В настоящее время, – писал он, – как судбаваша через себе определила на Военное Попрыще, то мы Вам советуем заглянуть в Устав Дисциплинарных Взысканий и Уголовных Законов Военного Ведомства...» [4,407]. Строки несусветной тарабарщины подменяют не нашедшие выхода простые мысли Василисы о неурожае, о болезни старика, который, должно быть, скоро отдаст Богу душу. Потом Василиса отправляется на станцию, чтобы отправить письмо. Чехов предельно лаконично завершает свое повествование о стариках: «До станции было одиннадцать верст».

Вторая часть рассказа посвящена жизни дочери, вышедшей замуж за швейцара Андрея Хрисанфыча, работающего в водолечебнице Мозельвейзера. Бездушность этого человека становится очевидной как-то сразу, безжизненны, бездушны и посетители водолечебницы. Выразительна зарисовка, описывающая генерала, который день за днем спрашивает швейцара о предназначении комнаты, которую он видит каждый день, с тем, чтобы тут же об этом забыть. Лаконично и трогательно описана «блудная дочь» Ефимья, о которой так горько сокрушаются старики. Чехов словно рисует трогательную скульптурную композицию, центром которой является кормящая грудью ребенка женщина. Дети жмутся к

ней, находя лишь в ее объятиях защиту от холода и жестокости окружающей жизни: «Жена его Ефимья сидела на кровати и кормила ребенка; другой ребенок, самый старший, стоял возле, положив кудрявую голову ей на колени, третий спал на кровати. ... Ему [Андрею Хрисанфычу. – Г.Р.] было слышно, как Ефимья дрожащим голосом прочла первые строки. Прочла и уж больше не могла; для нее было довольно и этих строк, она залилась слезами и, обнимая своего старшенького, целуя его, стала говорить, и нельзя было понять, плачет она или смеется...» [4,410].

Удивительно, как возникает глубинный «диалог» близких душ, для которых вовсе не нужны слова. Любящие глаза между бессмысленных и нелепых фраз письма родителей видят только нежность тихих старичков. Здесь Чехов актуализирует свой собственный фабульный мотив, который был значимой частью рассказа «Ванька». Сюжетная ситуация почти буквально повторяет видения-грезы Ваньки: «Это от бабушки, от дедушки... – говорила она. – Из деревни... Царица небесная, святители-угодники. Там теперь снегу навалило под крыши... деревья белые-белые. Ребятки на махоньких саночках... И дедушка лысенький на печке... и собачка желтенькая... Голубчики мои родные! – А в поле зайчики бегают, – причитывала Ефимья, обливаясь слезами, целуя своего мальчика. – Дедушка тихий, добрый, бабушка тоже добрая, жалостливая. В деревне душевно живут, бога боятся... И церковочка в селе, мужички на клиросе поют. Унесла бы нас отсюда царица небесная, заступница-матушка!» [4,410]. Как и в рассказе «Ванька», героиня грезит о возвращении в патриархальное идиллическое пространство прошлого.

Актуализирована и часть сюжета, связанная с мотивом недошедшего к адресату послания: «Андрей Хрисанфыч, слушая это, вспомнил, что раза три или четыре жена давала ему письма, просила послать в деревню, но мешали какие-то важные дела: он не послал, письма где-то завалялись» [4,410]. Но если в «Ваньке» адресат просто не мог быть найден, то в этом рассказе несостоявшееся «общение», в котором так нуждаются несчастные старики и его жена, целиком на совести равнодушного и жестокого человека, которого до дрожи боится кроткая Ефимья.

Очевидна и притягательна беспощадная правдивость русских писателей по отношению к себе и читателю. Отказавшись от сентиментально-трогательного шаблона, столь характерного для жанра рождественского рассказа, они говорят об иллюзорности рождественской идиллии, столь необходимой всем обиженным и обездоленным судьбой людям.

Список литературы

1. Есаулов И.А. Авторский текст и православный подтекст у Чехова // Русская классика:

новое понимание. – СПб.: Алетея, 2013. – С.207-231.

2. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 20 т. – Т. II – М.: Художественная литература, 1965. – С. 233-241.

3. Чехов А.П. Собрание сочинений: в 12 т. – Т. IV. – М.: Художественная литература, 1961. С.501-505.

4. Чехов А.П. Собрание сочинений: в 12 т. – Т. VIII. – М.: Художественная литература, 1962. – С. 406-410.

5. Чехов А.П.: pro et contra /сост., предисл., общая редакция И.Н. Сухих. – СПб.: РХГИ, 2002. – 1072 с.

Рецензенты:

Фаткуллина Ф.Г., д.фил.н., профессор, зав. кафедрой русской и сопоставительной филологии БГУ, ФГБОУ ВПО БГУ, г. Уфа;

Хайруллина Р.Х., д.фил.н., профессор кафедры русского языка БГПУ им. М. Акмуллы, ФГБОУ ВПО БГПУ им. М.Акмуллы, г. Уфа.